

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-010-021

РАССКАЗ О ПОТОМКАХ ЙАФЕТА В СОЧИНЕНИИ МЙРХВАНДА

© 2026

Д. М. Тимохин¹

Сочинение Мйрхванда «*Раузат ас-сафā' фй сйрат ал-āнбийā' ва ал-мулūк ва ал-хулафā*» («*Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов*») сравнительно давно известно специалистам, однако его рассказ о потомках Йафета ибн Нуха до сих пор не был предметом специального изучения даже несмотря на то, что уже в 1891 г. эта часть многотомного сочинения персидского историка была переведена Э. Рехацком. При этом рассказ Мйрхванда является частью весьма любопытной историографической традиции описания истории происхождения народов, которая восходит к существенно более раннему сочинению Абū Са'йда 'Абд-ал-Хайа б. аз-Заххāка б. Махмūда Гардйй «*Зайн ал-ахбār*» («*Украшение известий*») и анонимному «*Муджмал ат-таварйх ва 'л-кысас*» («*Свод историй и повествований*»). В рамках данной статьи нам хотелось бы познакомить читателя с переводом главы, которую Мйрхванд назвал «*Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Ему!) и описание происхождения Тюркских племен, которые от потомков его произошли*», сделанным по персидскому изданию текста «*Раузат ас-сафā'*». Помимо самого перевода и соответствующих комментариев к нему нам хотелось бы не столько указать историографические связи с более ранними сочинениями, о чем и так известно специалистам, сколько выделить особенности нарратива, который создал Мйрхванд, базируясь на трудах предшествующих мусульманских историков. Отдельного внимания, как нам кажется, заслуживает локализация места проживания потомков Йафета ибн Нуха, указания на народы, которые ведут от них свое происхождение, и характерные особенности «*биографий*» легендарных предков, которых упоминает автор «*Раузат ас-сафā'*». Надеемся, что представленное исследование будет интересно не только специалистам в области мусульманской историографии монгольской эпохи, но и самому широкому кругу читателей.

Ключевые слова: Йафет, Мйрхванд, Раузат ас-сафā', Тюрк, Хазар, Саклаб, Рус

Для цитирования: Тимохин Д. М. Рассказ о потомках Йафета в сочинении Мйрхванда. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 1. С. 10–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-010-021

THE STORY OF THE DESCENDANTS OF JAPHET IN THE WORK OF MIRKHVAND

Dmitry M. Timokhin

Mirkhvānd's work “*Rauzat as-safā' fī sīrat al-ānbiyā' wa al-mulūq wa al-khulafā*” (“*The Garden of Purity concerning the lives of the prophets, kings and Caliphs*”) has been known to experts for a relatively long time, but his story about the descendants of Japheth ibn Nuh has not yet been the subject of special study, even

¹ Тимохин Дмитрий Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. Timokhin, PhD (Hist.), Senior Researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; horezm83@mail.ru

though the fact that already in 1891 this part of the multi-volume work of the Persian historian was translated by E. Rekhatsek. The story Mīrkhvānd is part of a very interesting historiographical traditions describe the history of the people's origin, which dates back considerably earlier essay Abū Sa'īd 'Abd-al-Hayā b. az-Zahhāk b. Mahmūd Gardīzī "Zayn al-ahbār" ("Jewelry news") and an anonymous "Mujmal al-tavārikh wa'l-qisas" ("The corpus of histories and narratives"). Within the framework of this article, we would like to introduce the reader to the translation of the chapter, which Mīrkhvānd called "The story of Japheth the son of Nuh (Peace be upon Him!) and the description of the origin of the Turkic tribes that descended from his descendants", made according to the Persian edition of the text "Rauzat as-safā' ". In addition to the translation itself and the relevant comments to it, we would like to point out not so much the historiographical connections with earlier writings, which is already known to experts, as to highlight the features of the narrative created by Mīrkhvānd based on the works of previous Muslim historians. It seems to us that special attention should be paid to the localization of the place of residence of the descendants of Japheth ibn Nuh, references to the peoples who trace their origin from them, and the characteristic features of the "biographies" of legendary ancestors mentioned by the author of "Rauzat as-safā' ". We hope that the presented research will be of interest not only to experts in the field of Muslim historiography of the Mongolian era, but also to the widest range of readers.

Keywords: Japheth, Mīrkhvānd, Rauzat as-safā', Turk, Khazar, Saklab, Rus

For citation: Timokhin D. M. The Story of the Descendants of Japheth in the work of Mīrkhvānd. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2026. No. 1. Pp. 10–21. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-1-010-021

Введение

Интересующее нас сочинение второй половины XV в., принадлежащее перу Мухаммада ибн Хавандшāха ибн Махмūда или Мйрх'анда, носит название «*Раузат ас-сафā' фй сйрат ал-āнбийā' ва ал-мулūk ва ал-хулафā*» («*Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов*») и представляет собой многотомную «историческую компиляцию» [Бартольд, 1963, с. 106], охватывающую период с древнейших времен и вплоть до периода жизни ее автора. Уже В. В. Бартольд отмечает, что данное сочинение «*долгое время было почти единственным источником для европейских исследователей истории Персии и Средней Азии...*» [Бартольд, 1963, с. 106], что объясняет во многом тот факт, что уже в XIX в. появляются как издания оригинального текста «*Раузат ас-сафā'*», так и переводы его отдельных частей на европейские языки. Впрочем, введение в научный оборот новых памятников мусульманской историографии, в том числе и более ранних, нежели сочинение Мйрх'анда, заметно снизило интерес европейских ученых к этому историческому источнику, чем, вероятно, следует объяснять и тот факт, что полного перевода «*Раузат ас-сафā'*» на европейские языки до сих пор осуществлено не было.

Весьма вероятно, что этому способствовало и критическое отношение к содержанию сочинения Мйрх'анда, которое было озвучено уже в классической работе упомянутого нами В. В. Бартольда. «*При изложении истории хорезмшахов, кара-китаев и монгол автор, конечно, пользовался сочинениями Джувейни, Рашид ад-Дина, Вассафа и Шереф ад-Дина. Эта часть его труда вообще не возбуждает доверия к его компиляции; так, Мирхонд не делает попытки разобраться с противоречиями, которые мы находим в рассказах Джувейни о хорезмшахах и кара-китаях, но выбирает одну из версий и произвольно опускает все то, что противоречит ей*» [Бартольд, 1963, с. 107]. Справедливости ради стоит отметить, что начиная со второй половины XX в. в исследовательской среде закрепилось более сдержанное отношение к ценности сведений из состава «*Раузат ас-сафā'*», а отдельные специалисты подчеркивали выдающееся значение как самого этого памятника

мусульманской историографии, так и отдельных его разделов, включавших в себя более ранние тексты, которые сами по себе до нас не дошли [Ansari, 2016, pp. 249–259; Bockholt, 2017, pp. 139–142].

Впрочем, даже если более ранний памятник, использованный Мирх^андом для составления того или иного раздела «*Раузат ас-сафā*», до нас дошел, это не отменяет того факта, что в более поздний вариант текста включались любопытные дополнения или целые сюжеты, отсутствующие в сочинениях предшественников. Так, в более ранних исследованиях мы обратили внимание на историографическую связь между рассказом Мирх^анда об Йафете ибн Нухе и его потомках и анонимным сочинением 1126 г., которое более известно специалистам под названием «*Муджмал ат-тавāрīх ва 'л-қысас*» («Свод историй и повествований») [См.: Тимохин, 2025, с. 72–82; Тимохин, 2026 (b)]. Нами было высказано предположение, что именно этот памятник домонгольского периода оказался востребован автором «*Раузат ас-сафā*» и некоторыми другими более поздними историками для выстраивания собственного рассказа о потомках Йафета, к которым относились, в частности, турки². При этом в фокусе нашего внимания в указанных выше исследованиях оставался более ранний памятник и особенности того нарратива, который был сформирован анонимным автором, а также источники, которые были им для этого использованы. Здесь же мы хотели бы обратить внимание читателей на рассказ самого Мирх^анда о потомках Йафета, привести его полный перевод и необходимые комментарии к нему³. Как нам кажется, это будет полезно для понимания эволюции ранних нарративов в составе поздних памятников мусульманской историографии и трансформации в них отдельных сюжетов на примере «*Раузат ас-сафā*».

Перевод

Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир ему!) и описание происхождения Туркских племен, которые от потомков его произошли

Иные говорят, что он (Йафет — Д.Т.) был послан в качестве пророка, а когда Нух (Мир ему!) с ним прощался у подножия горы Джуди (جودی)⁴, в сторону севера и востока его отправил, которые были предназначены ему в удел. Тогда Йафет попросил своего отца научить его такой молитве, чтобы каждый раз, когда ему потребуется, можно было вызвать дождь. Нух (Мир ему!) откликнулся на его просьбу и вознес молитву Господу Величия, тогда Джабраил (جبریل) в ответ на его молитву Великое имя [Божие] ему открыл, которое Нух (Мир ему!) затем вырезал на камне и отдал Йафету. Этот камень называют *йада* (یده) или *камень дождя* (حجر المطر)⁵, а турки его называют *джада таши* (جده تاش). Когда же Йафет покинул *вершину восьмидесяти* (یوق الثمانین)⁶, то, пространствовав долгое время, достиг пределов своей страны, где стал

² Полный текст перевода данного раздела из состава «*Муджмал ат-тавāрīх ва 'л-қысас*» должен выйти в 2026 г. в коллективной монографии «Малоизвестные аспекты истории и культуры Ближнего и Среднего Востока в Средние века и Новое время» [Тимохин, 2026 (a)] — Д.Т.

³ Единственный перевод данного раздела из состава «*Раузат ас-сафā*» на европейские языки был осуществлен Э. Рехацком в 1891 г. [The Rauzat-us-safa..., 1891, pp. 92–96]. Мы в свою очередь учли этот более ранний опыт, однако ориентировались не на него, а на персидское издание текста «*Раузат ас-сафā*», опубликованное в 1959 г. [Mirhond, 1959, s. 66–70] — Д.Т.

⁴ В исламской традиции ковчег Ноя (Нуха) остановился не на горе Арарат, а на горе ал-Джуди согласно суре «Худ»: «И было сказано: «О земля, поглоти воду! О небо, перестань!» Вода спала, и свершилось веление. Ковчег пристал к аль-Джуди, и было сказано: Да сгинут люди несправедливые!»» (Коран 11:44) — Д.Т.

⁵ Здесь автор вместо персидского варианта использует арабское название «камень дождя» — Д.Т.

⁶ Согласно некоторым толкованиям 64 аята суры 7 «аль-Араф» («Ограды») — «Они сочли его лжецом, а Мы спасли его и тех, кто был с ним, в ковчеге, и потопили тех, кто считал ложью Наши знамения. Воистину они были слепыми людьми» (Коран, 7:64), вместе с Ноем в ковчеге спаслись всего восемьдесят человек (<https://quran-online.ru/7:64>). Эта же

предводителем жителей пустыни (صحرا نشینان) и, некоторое время живя с ними, установил среди них добрые обычаи. Когда же потомство его стало весьма многочисленным, то он облачился в одеяния вечности (رخت بسر ای بقا کشید). Многие говорят, что один из великих городов области **Чин** (چین) был им основан и стал частью его владений. А также было сказано, что Всемиловитый Господь, Предоставляющий Дары, наградил его одиннадцатью сыновьями, а [их имена]: **Чин** (چین) и **Саклаб** (صقلاب), **Камари** (کماری) и **Тюрк** (ترک), **Халлух** (خلخ) и **Хазар** (خزر), **Рус** (روس) и **Садсан** (سدسان), **Гуз** (غز), **Барадж** (بارج) и **Манишадж** (منشج). И каждого из своих сыновей он женил на одной из своих дочерей, завещая им восстанавливать землю, плодиться и размножаться.

Начнем с Тюрка ибн Йафета, который был его наследником и старшим из его сыновей, и он был чрезвычайно храбрым, мужественным, искусным и мудрым. Его также называли **Аглан Йафета** (یافت اغلان)⁷, когда он путешествовал по тем местам. И он нашел себе место, которое там называли **Силук** (سیلوك), а там было небольшое озеро и [источник] горячей воды, источники пресной воды и обильные пастбища. Тюрку это место пришлось по душе, и он решил остаться там вместе со своими последователями. Из дерева и травы они стали строить себе дома, а через некоторое время в связи с тем, что им были придуманы шатры, из шкур овец и других животных стали шить себе одежду и шапки. Его держава была устроена справедливо и мудро, а в отношении соблюдения [законов] и подданных он не оставил без внимания ни одной мелочи, и все рабы Всевышнего Бога были под тенью его защиты в благоденствии и покое. Помимо иных благословений Всевышний наградил его достойным потомством. Один из тех сыновей, чье имя было **Фудак** (فودك)⁸, очень любил охоту: однажды в пустыне из мяса дикого козла сделал кебаб и начал есть его. Внезапно кусок мяса из его руки упал в солончак (نمک زار), тогда Фудак поднял его и положил в рот, и так было гораздо вкуснее, чем раньше. И после этого соль стали добавлять в еду и таким образом питаться, а подобный обычай распространен до сего дня у всех народов и тюрок, которые называют себя его наследниками.

Однако Хазар после странствий в северной области достиг берега [реки] **Амаль** (آمل)⁹, и тот край пришелся ему по душе, так что он город свой там основал; здесь его наследники освоили охоту на лис и научили этому весь мир. А по совету отца из лисьих шкур стали делать одежду. Еще при жизни Хазара один из его сыновей умер, и его отец долгое время не знал, что ему делать с телом. А поскольку Йафет вместе со многими последователями утонул в море (دریا), то он выбрал огонь как противоположность воде и сжег его тело, в то время как его последователи пели и играли на музыкальных инструментах во время кремации. Говорят, такой обычай существует в тех краях и по сей день! Передают, что его потомки подобно рою пчел в горных пещерах добывают мед, из которого потом делают сладости.

легенда четко фиксируется у более позднего, в сравнении с Мйрх'андом, Абū-л-Гāzū: «из земли выступила вода, с неба полился дождь. Все живое, бывшее на земле, потонуло. Пророк Нух со своими тремя сыновьями и восьмьюдесятью членами, обращенными в [праведную] веру, сел на корабль. Спустя несколько месяцев земля, по велению Всевышнего Бога, впитала воду. Вблизи города, называемого Мосул, корабль пристал к горе по имени Джуди» [Кононов, 1958, с. 39] — Д.Т.

⁷ В работе Герхарда Дерффера дается вариант перевода термина «аглан» в персидской литературе как «принц» или «паж/слуга» [Doerfer, 1965, s. 78–79]. У более поздних авторов, нежели Мйрх'анд, можно увидеть иной вариант прозвища Тюрка: «Тюрку дали прозвище "Детище Яфеса"» [Кононов, 1958, с. 39] — Д.Т.

⁸ В более раннем тексте мы видим иной вариант — «Тутук» (توتک) [Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 77] — Д.Т.

⁹ Вероятно, искаженный вариант от «Итиль» (ائیل) [См.: Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 79] — Д.Т.

Затем спустя некоторое время Рус направился в окрестности страны Хазара и отправил к нему посольство, прося у него место или область для поселения в тех местах. Хазар встретил его посла многочисленными добрыми словами и некоторые из островов того края, где мягкий климат и плодородная почва, предоставил ему (т. е. Русу — Д.Т.).

Когда каждый из потомков Йафета стал искать себе место для проживания, Гуз (عز), сын Йафета, к границам области Булгар пришел и там воздвиг постройки и стал жить. Натура его была весьма коварна и полна хитрости: он с братом своим Тюрком ибн Йафетом во многих битвах сражался, а причина этому такова. Когда Йафет со многими [последователями] утонул в море, камень, который Нух даровал ему для вызова дождя, попал в руки Гуза, но каждый из его братьев желал тот камень присвоить себе. Гуз долго думал, а затем другой камень, подобный тому камню, нашел и Великое Имя на нем вырезал. Затем, когда все собрались метать жребий, на жребии выпало имя Тюрка ибн Йафета и потребовалось отдать желанный камень ему. Тогда Гуз камень, сделанный им, отдал Тюрку. А Тюрк, в подлинность этого камня поверив, обрадовался и оберегал и хранил его. Прошло несколько лет, прежде чем Тюрку понадобилось вызвать дождь: он достал упомянутый камень, но не смог вызвать столь необходимый ему дождь и понял, что Гуз в этом его обманул. Тогда он собрал войско, которое не могли вместить горы и равнины, навел в нем порядок и направил для битв и сражений с братом своим для того, чтобы завладеть подлинным камнем. Гуз также собрал мощную армию, во главе которой был Бигуд (بيغود)¹⁰ — старший из его сыновей, который был украшен ожерельем доблести и отваги, и направил ее против Тюрка. И было множество кровавых сражений, в одном из которых Бигуд был убит. А Тюрк повернул назад, но сказал: **«Вражда между нашими племенами будет продолжаться!»**

Саклаб ибн Йафет также отправился в путь и нашел хорошее место для проживания, где его потомство стало весьма многочисленным. В это время один из его новорожденных сыновей лишился матери, которая умерла родами. Однако как раз в то самое время одна из его охотничьих собак ошенилась, и он сына своего стал выкармливать собачьим молоком. А когда тот вырос, то вел себя среди людей подобно собаке, и отец его дал ему в жены одну из его родственниц, и от нее родился ребенок, которому также дали имя Саклаб. А после этого со всем своим добром и людьми он решил отправиться в край Руса, прося для себя достойного местопребывания. Рус в ответ сказал: **«Этот край невелик, а вам нужна большая земля, потому что вас слишком много!»** Как только они получили от Руса такое послание, то с той же просьбой обратились к Камари и Хазару, но получили такой же ответ. По этой причине между ними разгорелся огонь вражды, и Саклабы (صقالبيه) были разбиты. За широтой шестидесяти четырех градусов, что называют **«за пределами седьмого климата»**, проживают они, а там по причине страшных морозов стали строить дома под землей.

Камари (كماری) ибн Йафет был человеком распушенным (развратником, مردی عیاش) и больше всего любил охоту. Однажды, будучи на охоте, в пределах Булгарии (بلغار) он нашел плодородные равнины и место с приятным видом и умеренным климатом, так что остался там жить. Всевышний Господь даровал ему двух сыновей: одного из них звали Булгар (بلغار), а второго — Буртас (برطاس). Когда эти потомки набрались

¹⁰ Искаженный вариант титула «Йабгу» (يابغو). [См.: Martinez, 1982, p. 118; Zayn al-Ahbar, 1984, s. 548; Бартольд, 1973, с. 42; Hudūd al-‘Ālam, 1970, p. 97] — Д.Т.

сил (т. е. выросли — *Д.Т.*), каждый из них выбрал себе местопребывание и занялся его благоустройством. Добывали лису, соболя, куницу и горностая, а из шкур делали одежду. И до сих пор то сообщество в этих землях проживает.

Чин ибн Йафет был весьма мудр, чист сердцем и благоразумен, и его отец в своей державе основывал города, которые до сих пор называют в честь него (т. е. Чина — *Д.Т.*), как об этом было сказано выше. Поскольку Чин был высок помыслами и глубок разумом, то придумал живопись, и росписи, и цветную одежду и этому искусству научил своих потомков. Он открыл шелкового червя, и большинство ремесел, которыми до сих пор славится народ Чина, были им придуманы. Во время всех этих событий Всевидающее мир Око озарило его счастливой звездой в виде рождения сына, который был назван Мачин (ماچين). Когда Мачин достиг возраста зрелости, то женился и обзавелся многочисленным потомством. И этот потомок (т. е. Мачин — *Д.Т.*) похвального качества советы давал отцу своему, а также сказал: *«Для наших внуков и наследников и племени в этом городе места недостаточно! Дай позволение всем желающим покинуть это место и рядом с ним основать другой город, и большое количество людей уйдет!»* Чин дал на это свое согласие. Мачин в пределах державы Чина город основал и в честь него этот город стали называть. И там стал проживать, и в этом месте увеличилось его потомство. Мачин от овец брал шерсть и учил прясть с помощью веретена, а из этого потом делать одежду. Он также занимался охотой и однажды поймал на охоте Ангу (عنقا), которая является самой прекрасной из птиц¹¹. Он выбрал ее перья для украшения в бою и повелел, чтобы во время сражений воины прикрепляли их на свои головы и тюрбаны. А в другой раз во время охоты поймал антилопу и, когда убил ее и ее выпотрошили, то из пупка потекла черная благоухающая жидкость. Тогда Мачин приказал ее собрать и высушить. В другой раз он решил быть осторожнее, и, поскольку его обоняния теперь достиг запах в несколько раз сильнее, то приказал: *«С этого момента, где бы ни поймали оленя, сохраните его мускусную железу!»* И таким образом он научил людей добывать мускус.

После того, как прошли месяцы и годы, дети и потомки Йафета стали весьма многочисленны: между ними появились различные наречия, и языки отклонились от общепринятого говорения, так что тридцать шесть видов языков появилось между ними, и они больше не могли понимать друг друга. По этой причине они решили покинуть друг друга, разошлись по разным сторонам и в различных частях севера возделывали земли и основали небольшие города. А многие из них, которые привыкли проживать в пустынях, продолжают вести кочевой образ жизни. Так что сегодня принадлежность всех категорий Тюрков (اتراك), и Монголов (مغول), и Татар (تاتار), и Кыпчаков (قپچاق), и других к роду Йафета общеизвестна. И султаны, и ханы Туркестана (تركستان) и северных областей являются его потомками. Для того, чтобы критики не сомневались в истинности, пусть не останется скрытым то, что в этих листах найдено относительно числа потомства Йафета, а описанные обстоятельства в мукаддаме «Зафар-наме» (ظفر نامه), которые этому противоречат, оставим, поскольку эта версия не была рассмотрена автором, да ниспошлет ему за это Аллах прощение, — перо не взялось за пересказ слов этого счастливого человека! [Mirhond, 1959, s. 66–70].

¹¹ Анга или Анка — птица, встречающаяся уже в доисламской арабской мифологии. [См.: Pellat, 2012] — *Д.Т.*

Комментарии к переводу

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на структуру рассказа Мйрх'анда об Йафете ибн Нухе и его потомках, которая, как нам кажется, имеет определенную логику в своем построении. Так, автор «*Раузат ас-сафā*'» *начинает главу с рассказа о Йафете ибн Нухе, даровании ему «камня дождя», обретении им своего местообитания, а в конце этого подраздела перечисляются его наследники. Они перечислены в следующем порядке: «Чин (چين) и Саклаб (صقلاب), Камари (كمارى) и Тюрк (ترك), Халлух (خلخ) и Хазар (خزر), Рус (روس) и Садсан (سدسان), Гуз (غز), Барадж (بارج) и Маншадж (منشج)»* [Mirhond, 1959, s. 66], однако он не соблюдается в дальнейшем рассказе, а многие из указанных «*потомков Йафета*» и вовсе обделены авторским вниманием. В сочинении Мйрх'анда сразу после указанного рассказа о Йафете приводится биография «*Тюрка ибн Йафета, который был его наследником и старшим из его сыновей*» [Mirhond, 1959, s. 66], потом следует рассказ о Хазаре, Русе, Гузе, Саклабе, Камари, Чине и его сыне Мачине, а в конце — небольшое авторские послесловие. Таким образом, из всех сыновей Йафета ничего не сказано о Халлухе, Садсане, Барадже и Маншадже. Впрочем, в двух последних можно было бы заподозрить искаженные варианты написания Йаджудж и Маджудж (ياجوج و ماجوج), однако, согласно более ранним версиям нарратива о потомках Йафета, они были не его сыновьями, а внуками [Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 77].

Таким образом, структура раздела о Йафете и его потомках у Мйрх'анда: Йафет — Тюрк — Хазар — Рус — Гуз — Саклаб — Камари — Чин и Мачин — послесловие. В то же время в анонимном персидском сочинении 1126 г. структура такого же нарратива такова: Йафет — Чин и Мачин — Тюрк — Хазар — Рус — Гуз — Саклаб — Камари — рассказ о внешних особенностях потомков Йафета и о произошедших от них племенах [Cod. Heid. Orient., f. 49v-54r; Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 76–82]. Более ранний автор выдвигает на первое место среди потомков Йафета Чина, называя его также и первенцем [Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 76], а вот у Мйрх'анда таковым, очевидно, становится Тюрк — «*Аглан Йафета (يافت اغلان)*» [Mirhond, 1959, s. 66]. Такое первенство среди потомков Йафета в тексте «*Раузат ас-сафā*'» можно объяснить желанием автора возвеличить именно тюрков, в связи с чем у Мйрх'анда отсутствует рассказ о причинах того, почему у последних злобный характер и мало волос на теле, который есть в самом конце соответствующего раздела «*Муджмал ат-таварих*» и присутствует у еще более раннего Гардйзи [Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas, 2000, s. 82; Cod. Heid. Orient., f. 53 v; Martinez, 1982, p. 118; Zayn al-Ahbar, 1984, s. 545–547; Бартольд, 1973, с. 42]. Надо отметить и тот факт, что и у еще более позднего историка, Абū-л-Газī, на первое место среди потомков Йафета ставится все тот же Тюрк, правда, в еще более ультимативной форме: «*У него (Йафета — Д.Т.) было восемь сыновей; потомство от них было весьма многочисленное. Имена его сыновей следующие: Тюрк, Хазар, Саклаб, Рус, Минг, Чин, Кемери, Тарых. Яфес, умирая, посадил на свое место своего старшего сына Тюрка, а другим сыновьям своим сказал: «Тюрка считайте своим государем, из повиновения ему не выходите!»*» [Кононов, 1958, с. 39]. Таким образом, можно весьма осторожно предположить, что в поздних мусульманских сочинениях трансформируется не только последовательность сыновей Йафета, но и их качественные характеристики, что приводит к очевидному возвышению Тюрка среди других потомков указанного библейского и коранического персонажа.

В свою очередь Мйрх'анд, следуя той же логике изложения, что и более ранние авторы, тем не менее позволяет себе определенную трансформацию структуры самого нарратива, отсекая при этом то, что может ей противоречить. Подобные тенденции заметны в содержании смысловых подразделов главы «*Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Ему!) и описание происхождения Тюркских племен, которые от потомков его произошли*» [Mirhond, 1959, s. 66–70]. В первом из них, как уже было

отмечено выше, речь пойдет о биографии самого Йафета после окончания Всемирного потопа: тут важным отличием следует признать указание автора «*Раузат ас-сафā*» на то, что Йафет «*стал предводителем жителей пустыни* (صحرا نشينان)», под которыми с нашей точки зрения следует понимать кочевников [Mirhond, 1959, s. 66]. Помимо этого Мйрх'анд, как и более ранние авторы, приводит здесь же указание на дарование Йафету «*камня дождя*», однако к его рассказу следует присмотреться повнимательнее. Так, анонимный автор «*Муджмал ат-таварих*» нигде не приводит название этого камня, хоть и уделяет ему, а также войне за него значительное внимание в своей главе о потомках Йафета [Cod. Heid. Orient., f. 49v-54 r; Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 76–82]. Мйрх'анд же, напротив, уточняет, что «*этот камень называют йада* (يده) или *камень дождя* (حجر المطر)¹², а тюрки его называют *джада таш* (جده تاش)» [Mirhond, 1959, s. 66].

В своей классической работе А. Мольнар настаивает на том, что ранние мусульманские историки и географы чаще всего не использовали варианта «*йада*» (يده) или «*джада таш*» (جده تاش), а сам «*камень дождя*» чаще всего называли на арабский или персидский манер — «*хаджар ал-матар*» или «*санг-е бāрāн*» (سنگ باران) [Molnár, 1994, p. 18]. Как видно из труда Мйрх'анда, в более поздних мусульманских сочинениях ситуация несколько изменилась, и это при том, что у анонимного автора «*Муджмал ат-таварих*», с текстом которого историографически связан «*Раузат ас-сафā*», эти названия не встречаются [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)]. При этом любопытно отметить и тот факт, что более ранний памятник содержит в себе упоминание «*камня молнии*» (حجر الصواعق) в рассказе о Чине ибн Йафете, о котором, в свою очередь, ничего не сообщает Мйрх'анд [Mujmal at-tawarikh, 2000, s. 81; Cod. Heid. Orient., f. 52v]. Таким образом, последний в этой части своего рассказа о Йафете и его потомках позволяет себе и дополнения к сведениям из более ранних текстов, но также и упускает отдельные сюжеты или понятия.

Два последующих подраздела из главы «*Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Ему!) и описание происхождения Тюркских племен, которые от потомков его произошли*», которые посвящены Тюрку и Хазару, мало чем отличаются от соответствующих рассказов из состава «*Муджмал ат-таварих*»¹³. Единственным существенным отличием будет последняя фраза в отношении потомков Хазара, которую включает в свой текст Мйрх'анд: «*Передают, что его потомки подобно рюю пчел в горных пещерах добывают мед, из которого потом делают сладости*» [Mirhond, 1959, s. 67]. Анонимный автор «*Муджмал ат-таварих*» упоминает о том, что в месте расселения потомков Хазара много меда, из которого производят некие товары, однако указание на сбор меда именно в горных пещерах в его тексте отсутствует [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)]. Впрочем, подобных деталей о сборе меда во владениях хазар нет и у еще более раннего Гардйзй [Бартольд, 1973, с. 57] и Ибн Русте [Ибн Русте, 2006, с. 701]. Однако, поскольку сам по себе факт добычи меда во владениях хазар является общим местом у целого ряда мусульманских историков и географов домонгольской эпохи, указанный сюжет в равной степени мог быть авторским дополнением как самого Мйрх'анда, так и заимствован им из ранних текстов, лежащих в русле иной историографической традиции, нежели указанные нами выше памятники.

В отношении рассказа о Хазаре ибн Йафете у Мйрх'анда стоит отметить и указание на кремацию покойников, что само по себе в отношении хазар выглядит по меньшей мере любопытным. Однако эту проблему мы детально рассмотрели в отдельной статье [Тимохин, Тишин, 2026], а здесь лишь обозначим тот факт, что данный сюжет присутствует у анонимного автора «*Муджмал*

¹² Здесь автор вместо персидского варианта использует арабское название «*камня дождя*» — Д.Т.

¹³ Безусловно, более поздний автор позволяет себе несколько искаженную передачу топонимов и имен собственных в сравнении с «*Муджмал ат-таварих*», однако на это мы уже обращали внимание в более раннем исследовании [См.: Тимохин, 2026 (а)] — Д.Т.

ат-тав^ар^их» и не является в связи с этим плодом творчества составителя «*Раузат ас-саф^а*» [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)]. Что же касается повествования о Русе ибн Йафета, Гузе ибн Йафете и их потомках у Мирх^анда, то в отношении первого можно сказать, что рассказ о нем представляет собой сокращенный пересказ известного в более ранних мусульманских источниках сообщения об «острове русов» [Новосельцев, 2000, с. 296–307; Коновалова, 2001, с. 175–176]. С той лишь разницей, что в «*Раузат ас-саф^а*» говорится о плодородии и мягком климате «удела Руса», что не совпадает с данными целого ряда предшествующих мусульманских сочинений [См.: Новосельцев, 2000, с. 296–307; Коновалова, 2001, с. 175–176]. В свою очередь, рассказ о Гузе ибн Йафете в составе «*Раузат ас-саф^а*» почти полностью посвящен изложению хорошо известного в мусульманской историографии сюжета, который был зафиксирован уже у Гардиз^и, о «войне за камень дождя» между потомками Йафета, Тюрком и Гузом; однако с учетом представленных в варианте Мирх^анда деталей можно констатировать историографическую связь и в этом случае с анонимным «*Муджмал ат-тав^ар^их*» [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)].

Рассказ о *Саклабе ибн Йафете* в «*Раузат ас-саф^а*» любопытен лишь своей последней фразой, где уточняется место проживания его потомков: таких сведений у упомянутого нами выше анонимного автора нет [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)]. Однако при этом отнесение места проживания саклабов к территориям за пределами «седьмого климата», равно как и строительство ими «подземных домов» по причине страшного холода, встречается у Гардиз^и в анонимном «*Худуд ал-‘ал^ам*» и у ал-Марвази [Новосельцев, 2000, с. 295–297]. В свою очередь автор «*Муджмал ат-тав^ар^их*» упоминает лишь о строительстве указанных домов, а о месте жительства саклабов сообщает, что оно «и поныне известно, как земля Саклаба» [Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas, 2000, s. 81; Cod. Heid. Orient., f. 53r]. Что касается помещения земли саклабов за пределами «седьмого климата», то здесь Мирх^анд мог ориентироваться как на приведенные нами выше источники, так и непосредственно обращаться к «*Кит^аб ал-а‘лак ал-нафиса*» («Книга драгоценных ожерелий») Ибн Рус^{те}, где также встречаются сведения такого же рода, или даже к не дошедшим до нас источникам, используемым последним [Ибн Рус^{те}, 2006, с. 699–700, 704].

Впрочем, рассказ о происхождении самого имени Саклаб как эпонима целого этноса и последующее повествование о Камари ибн Йафете Мирх^андом почти полностью заимствованы из анонимного «*Муджмал ат-тав^ар^их*» или у Гардиз^и и даже в деталях мало чем отличаются от более ранних нарративов [Подробнее см.: Тимохин, 2026 (а)]. В этом отношении гораздо более любопытен раздел о Чине ибн Йафете и его сыне Мачине, где некоторые важные отличия составитель «*Раузат ас-саф^а*» себе все-таки позволяет в сравнении с текстами своих предшественников. Если общая канва повествования о них у Мирх^анда совпадает с более ранними авторами, то при рассказе о Мачине он указывает, что тот «поймал на охоте Ангу (عنقا), которая является самой прекрасной из птиц. Он выбрал ее перья для украшения в бою и повелел, чтобы во время сражений воины прикрепляли их на свои головы и турбаны» [Mirhond, 1959, s. 69]. Этот же сюжет в «*Муджмал ат-тав^ар^их*» описан следующим образом: «Однажды на охоте, когда поймал дикого быка (яка, غشاو — Д.Т.), то из него (его хвоста? — Д.Т.) сделал знамя (бунчук — Д.Т.), которое ему понравилось. Поднял его и сказал: «**Это будет украшением боя!**»» [Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas, 2000, s. 77; Cod. Heid. Orient., f. 51v]. Таким образом, по каким-то причинам Мирх^анд изменил историю жизни легендарного Мачина, включив в рассказ о нем не менее легендарную птицу, которую он якобы поймал и чьими перьями приказал украшать головные уборы во время сражения. Примерно то же самое можно сказать и про рассказ об открытии Мачином мускуса, который в деталях отличается от такого же повествования в «*Муджмал ат-тав^ар^их*»: более поздний автор приводит

и другие слова Мачина по поводу этого открытия и указывает на то, что он дважды пытался добыть мускус [Mirhond, 1959, s. 69].

Наконец, совершенно точно следует констатировать тот факт, что последний раздел интересующей нас главы из состава «*Раузат ас-сафā*» является абсолютно авторским нарративом, то есть не был заимствован Мирх'андом у своих предшественников. Здесь стоит отметить и указание на тридцать шесть видов языков, которые сложились у потомков Йафета, и причисление к ним «*Тюрок (اتراك), и Монголов (مغول), и Татар (تاتار), и Кыпчаков (قپچاق)*» [Mirhond, 1959, s. 70], а также указание на то, что «*султаны и ханы Туркестана (ترکستان) и северных областей являются его потомками*» [Mirhond, 1959, s. 70]. Совершенно очевидно, что подобное обобщение, особенно в первом случае, мог позволить себе только автор монгольской эпохи, хотя упоминание в этом же ряду кыпчаков, с учетом времени написания «*Раузат ас-сафā*», выглядит скорее как анахронизм. Мирх'анд в этом же разделе указывает на то, что его описание может противоречить тому, что сказано о потомках Йафета «*Зафар-наме*» (ظفر نامه), что следует считать, с нашей точки зрения, отсылкой к сочинению «*Зафар-наме*» («*Книга побед*») Шараф ад-Дина 'Али Йазди (окончено в 1424–1425). «*Сочинению предшествует огромное введение (Мукаддима), посвященное генеалогии тюркских ханов и Чингиз-хана. Текст содержит огромное количество стихотворений, которые, несомненно, являются личным творчеством Йазди*» [Йазди, 2008, с. 4]. Как видно из приведенного нами выше перевода, Мирх'анд не собирался пересказывать эти сведения, которые, как он сам и отметил, противоречат в некоторых сюжетах тому, что написал он и что было им заимствовано из более ранних памятников мусульманской историографии.

Заключение

Подводя итоги, хотелось бы еще раз подчеркнуть тот факт, что несмотря на общую компилятивность содержания главы «*Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Ему!) и описание происхождения Тюркских племен, которые от потомков его произошли*» в составе «*Раузат ас-сафā*», в ней присутствуют отдельные значимые изменения в сравнении с описанием того же сюжета в более ранних мусульманских сочинениях. Мирх'анд меняет, во-первых, структуру построения рассказа о Йафете и его потомках: в отличие от текста «*Муджмал ат-тавāрийх*», где на первое место среди всех его сыновей выводится Чин, у более позднего историка таковым становится Тюрк, и повествование о нем идет сразу после краткой биографии самого Йафета. В отношении описания жизни последнего, помимо всего вышесказанного, остается неизменным факт того, что он утонул: однако Мирх'анд пишет о том, что «*Йафет вместе со многими последователями утонул в море (دریا)*» [Mirhond, 1959, s. 66], в то время как анонимный автор «*Муджмал ат-тавāрийх*» локализует смерть Йафета в водах реки Джейхун (Амударья), которая в его нарративе играет ключевую роль в жизни и смерти указанного коранического и библейского персонажа, равно как и его наследников [Тимохин, 2026 (а)].

Определенную ценность рассказу Мирх'анда придают те детали, которые по ряду причин отсутствовали в домонгольской историографии: это и название «*камня дождя*», и нарочитое причисление монголов и татар к числу потомков Йафета, и многие другие. При этом Мирх'анд в своем тексте при описании интересующего нас сюжета не столько меняет сложившуюся в мусульманской историографии традицию, сколько дополняет ее и те отличия, которые были нами выделены, за исключением, возможно, последовательности перечисления сыновей Йафета, отражает скорее «*дух времени*» и общую начитанность автора «*Раузат ас-сафā*». С нашей точки зрения, в данном случае ключевым источником нарратива Мирх'анда был все тот же анонимный «*Муджмал*

ат-таварих», однако, как показало это исследование, невозможно исключить его знакомство и с иными ранними сочинениями, содержащими сведения о потомках Йафета. Все это делает главу «Рассказ о Йафете сыне Нуха (Мир Ему!) и описание происхождения Тюркских племен, которые от потомков его произошли» из состава «Раузат ас-саф'а'» еще более интересной для исследователей, что мы и постарались продемонстрировать в этой статье.

Литература/References

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Бартольд В.В. *Сочинения. Том I: Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. М.: Издательство восточной литературы, 1963. С. 43–601 [Bartold V.V. *Turkestan in the era of the Mongol invasion*. Bartold V.V. *Essays. Volume I: Turkestan in the era of the Mongol invasion*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 1963. Pp. 43–601 (in Russian)].

Бартольд В.В. Извлечение из сочинения Гардизи "Зайн ал-ахбар". Приложение к "Отчету о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг." Бартольд В.В. *Сочинения. Том VIII. Работы по источниковедению*. М.: Наука, 1973. С. 23–62 [Bartold V.V. Extract from Gardizi's essay "Zain al-Akhbar". Appendix to the "Report on a trip to Central Asia for scientific purposes. 1893–1894". Bartold V.V. *Essays. Volume VIII. Works on source studies*. Moscow: Nauka Publ., 1973. Pp. 23–62 (in Russian)].

Ибн Русте. Китаб ал-а'лак ан-нафиса (Книга драгоценных ожерелий). *История татар. Том II. Волжская Булгария и Великая Степь*. Казань: Изд-во «РухИЛ», 2006. С. 699–707 [Ibn Ruste. *Kitab al-a'laq an-nafisa* (The Book of Precious Necklaces). *The history of the Tatars. Volume II. Volga Bulgaria and the Great Steppe*. Kazan: RuhIL Publishing House, 2006. Pp. 699–707 (in Russian)].

Йазди Шараф ал-Адин Али. *Зафар-наме*. Перев. со староузб., предисловие, комментарии, указатели и карта А. Ахмедова. Ташкент: Издательство журнала «SAN'AT», 2008 [Yazdi Sharaf al-Adin Ali. *Zafar-name*. Trad. from the old dictionary, preface, comments, indexes and map by A. Akhmedov. Tashkent: SAN'AT magazine Publishing house, 2008 (in Russian)].

Коновалова И.Г. Состав рассказа об "Острове русов" в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. *Восточная и Северная Европа в средневековье*. Отв. ред. тома Г.В. Глазырина. М.: Восточная литература, 2001. С. 169–189 [Konovalova I.G. The composition of the story about the "Island of Rus" in the writings of Arab-Persian authors of the X–XVI centuries. *Eastern and Northern Europe in the Middle Ages*. Edited by G.V. Glazyrin. Moscow: Oriental Literature, 2001. Pp. 169–189 (in Russian)].

Кононов А.Н. *Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского*. Отв. ред. С.Е. Малов. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958 [Kononov A.N. *The Genealogy of the Turkmens by Abu-l-Ghazi, Khan of Khiva*. Ed. by N. According to S.N.E. Malov. M., L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1958 (in Russian)].

Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. *Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 год: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева*. Отв. ред. тома Т.М. Калинина. М.: Восточная литература, 2000. С. 264–323 [Novoseltsev A.P. Oriental sources about the Eastern Slavs and Russia of the VI–IX centuries. *The oldest states of Eastern Europe. 1998: In memory of the corresponding member. RAS of A.P. Novoseltsev*. Edited by T.M. Kalinin. Moscow: Oriental Literature, 2000. Pp. 264–323 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Предание о Йафете ибн Нухе в составе «Муджамал ат-таварих ва-л-кисас». *Islamology*. 2025. № 14(1). С. 72–82 [Timokhin D.M. The Legend of Japhet ibn Nuh as part of the Mujamal at-Tawarih wa-l-qisas. *Islamology*. 2025. No. 14(1). Pp. 72–82 (in Russian)].

Тимохин Д.М. Глава «О тюрках» в составе Муджмаль ат-таварих ва-ль-кисас (перевод и комментарии). *Малоизвестные аспекты истории и культуры Ближнего и Среднего Востока в Средние века и Новое время*: колл. монография. Отв. ред. Д.Е. Мишин. М.: ИВ РАН, 2026 (а) (в печати) [Timokhin D.M. The chapter "On the Turks" in the composition of Mujmal at-tawarih wa-l-qisas (translation and commentary). *Little-known aspects of the history and culture of the Near and Middle East in the Middle Ages and Modern Times*: a colloquial monograph. Ed. by D.E. Mishin. Moscow: IV RAS, 2026 (a) (in print) (in Russian)].

Тимохин Д.М. История потомков Йафета ибн Нуха и прародина тюрков в памятниках мусульманской историографии. *Ориенталистика*. 2026 (b) (в печати) [Timokhin D.M. The history of the descendants of Japhet ibn Nuh and the ancestral homeland of the Turks in the monuments of Muslim historiography. *Orientalistica*. 2026 (b) (in print) (in Russian)].

Тимохин Д.М., Тишин В.В. Практика кремации у кочевников степной Евразии и ее объяснительные модели: опыт текстологической реконструкции. *Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика*. 2026. № 4 (в печати) [Timokhin D.M., Tishin V.V. The practice of cremation among nomads of steppe Eurasia and its explanatory models: the experience of textual reconstruction. *Bulletin of St. Petersburg State University. Oriental and African studies*. 2026. No. 4 (in print) (in Russian)].

Ansari A.M. Mīrkhwānd and Persian Historiography. *Journal of the Royal Asiatic Society*. THIRD SERIES. Vol. 26. No. 1/2. The Mongols and Post-Mongol Asia: Studies in Honour of David O. Morgan (JANUARY AND APRIL 2016). Pp. 249–259.

Bockholt Ph. Mīrkhvānd Muḥammad b. Khvāndshāh. *Encyclopaedia of Islam*, THREE. Leiden-Boston: Brill, 2017. Pp. 139–142.

Doerfer G. Türkische und Mongolische Elemente im Neupersischen. Unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen, vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Band, d. II: Türkische Elemente im Neupersischen, alif bis ta. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1965.

Ḥudūd al-ʿĀlam: "The Regions of the World", A Persian Geography 372 A.H. – 982 A.D. 2nd ed. / with the preface by V.V. Barthold translated from the Russian and with additional material by the late Professor Minorsky; ed. by C. E. Bosworth. London: Luzac, 1970.

Martinez A.P. Gardīzi's Two Chapters on the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. T. II. 1982. Pp. 109–217.

Mīrhond Muḥammad ibn Khwand-shah ibn Mahmud. 'Tarikh-Rawḥat aṣ-ṣafā' fī sīrat al-anbiyā' w-al-mulūk w-al-khulafā': jild avval. Ed. by Abbas Parviz. Tehran: Markaz-i Khayyam Piruz, 1959.

Moğmal-ot-Tāvārīḥ va'l-Qaṣaṣ. Universitätsbibliothek Heidelberg, Cod. Heid. Orient. 118. 291 f. <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/codheidorient118>.

Molnár Á. Weather-magic in Inner Asia. Bloomington: Research Institute for Inner. Asian Studies, 1994.

Mujmal at-tawarikh wa-l-qisas. Eine persische Weltgeschichte aus dem 12. Jahrhundert. Ed. by Seifeddin Najmabadi, Siegfried Weber. Edingen-Neckarhausen: Deux Mondes, 2000.

Pellat Ch. 'Ankā'. *Encyclopaedia of Islam. New Edition Online* (EI-2 English). (First published online: 2012): <https://referenceworks.brill.com/display/entries/EIEO/SIM-0672.xml>

The Rauzat-us-safa or Garden of Purity, containing the histories of prophets, kings, and khalifs...; transl. from the original Persian by E. Rehatsek, and called by him "Sacred and profane history according to the moslem belief" / by Muḥammad bin Khāvendishāh bin Mahmūd, commonly called Mīrkhond; transl. by E. Rehatsek; ed. by F. F. Arbuthnot. Part I. London: Royal Asiatic Society, 1891.

Zayn al-Ahbar yani Tarikh-i Gardizi. Ed. by Abdallah Habibi. Tehran: Chaphaneyeh Adamgan, 1984.